

Молитва. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Молитва. Лев Николаевич Толстой

...Знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения... Мф. VI, 8.

– Нет, нет и нет! Этого не может быть... Доктор! Да разве ничего нельзя? Да что же вы молчите все?! Так говорила молодая мать, выходя большими, решительными шагами из детской, где умирал от водянки в голове ее первый и единственный трехлетний мальчик. Тихо разговаривавшие между собою муж и доктор замолчали. Муж робко подошел к ней, ласково коснулся рукой ее растрепанной головы и тяжело вздохнул. Доктор стоял, опустив голову, своим молчанием и неподвижностью показывая безнадежность положения. – Что же делать! – сказал муж. – Что же делать, милая... – Ах, не говори, не говори! – вскрикнула она как будто злобно, укоризненно и, быстро повернувшись пошла назад в детскую. Муж хотел удержать ее. – Катя! не ходи... Она, не отвечая, взглянула на него большими, усталыми глазами и вернулась в детскую. Мальчик лежал на руке няни с подложенной под голову белой подушкой. Глаза его были открыты, но он не глядел ими. Из сжатого ротика пузырилась пена. Няня со строгим, торжественным лицом смотрела куда-то мимо его лица и не пошевелилась при входе матери. Когда мать вплоть подошла к ней и подсунула руку под подушку, чтобы перенять ребенка от няни, няня тихо сказала: "Отходит!" – и отстранилась от матери. Но мать не послушалась ее и ловким, привычным движением взяла мальчика себе на руки. Длинные, вьющиеся волосы мальчика запутались. Она оправала их и взглянула в его лицо. – Нет, не могу, – прошептала она и быстрым, но осторожным движением отдала его няне и вышла из комнаты. Ребенок болел вторую неделю. Все время болезни мать по нескольку раз в день переходила от отчаяния к надежде. Во все это время она спала едва ли полтора часа в сутки. Все это время она не переставая по нескольку раз в день уходила в свою спальню, становилась перед большим образом Спасителя в золотой ризе и молилась Богу о том, чтобы он спас ее мальчика. Чернолицый Спаситель держал в маленькой черной руке золоченую книгу, на которой чернью было написано: "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас". Стоя перед этим образом, она молилась, все силы своей души вкладывая в свою молитву. И хотя в глубине души и во время молитвы она чувствовала, что не сдвинет горы и что Бог сделает не по ее, а по-Своему, она все-таки молилась, читала известные молитвы и свои, которые она сочиняла и говорила вслух с особенным напряжением. Теперь, когда она поняла, что он умер, она почувствовала, что в голове ее что-то сделалось, как-будто сорвалось что-то и стало кружиться, и она, придя в свою спальню, с удивлением оглянулась на все свои вещи, как будто не узнавая места. Потом легла на кровать и упала головой не на подушку, а на сложенный халат мужа, и потеряла сознание. И вот во сне она видит, что ее Костя, здоровый, веселый сидит с своими кудрявыми волосами и тонкой белой шейкой на креслице, болтает пухлыми в икрах ножками и, выпятив губки, старательно усаживает куклу-мальчика на картонную лошадку без одной ноги и с проткнутой спиной. "Как хорошо, что он жив, – думает она. – И как жестоко то, что он умер. Зачем? Разве мог Бог, Которому я так молилась, допустить, чтобы он умер? Зачем это Богу? Разве он мешал кому-нибудь? Разве Бог не знает, что в нем вся моя жизнь, что я не могу жить без него? И вдруг взять и измучать это несчастное, милое, невинное существо и разбить мою жизнь, и на все мои мольбы отвечать тем, чтобы у него остановились глаза, чтобы он вытянулся, заолодел, заостенел". И она опять видит. Вот он идет. Такой маленький, в такие высокие двери идет, размахивая ручонками, как большие ходят. И глядит, и улыбается... "Милый! И его-то Бог хотел измучать и уморить! Зачем же молиться Ему, если Он может делать такие ужасы?" И вдруг Матреша, девочка, помощница няни, начинает что-то говорить очень странное. Мать знает, что это Матреша, а вместе с тем она и Матреша и ангел. "А если она ангел, то отчего у нее нет за спиной крыльев?" – думает мать. Впрочем, она вспоминает, что кто-то, – она не помнит кто, но кто-то, заслуживающий доверия, – говорил ей, что ангелы бывают теперь и без крыльев. И ангел-Матреша говорит: "Напрасно вы, сударыня, на Бога обижаетесь. Ему никак нельзя всех слушать. Они часто о таком просят, что одному сделаешь, другого обидишь. Вот сейчас по всей России молятся, да какие люди! Самые первые архиереи, монахи в соборах, в церквях над мощами, все молятся, чтобы Бог дал победы над японцами. А ведь это разве хорошее дело? И молиться об этом не годится, да и угодить-то ему никому нельзя. Японцы тоже молятся, чтобы им победить. А ведь он один у нас батюшка. Как же Ему быть?" – Как же Ему быть, барыня? – говорит Матреша. – Да, это так. Это старое. Это еще Вольтер говорил. Все это знают и все говорят. Я не об этом. А отчего же Он не может исполнить просьбу, когда я прошу не о вредном о чем-нибудь, а только о

Молитва. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo

том, чтобы не уморить моего милого мальчика. Я ведь без него жить не могу, - говорит мать и чувствует, как он обнимает ее за шею своими пухлыми ручонками, и она своим телом чувствует его тепленькое тельце. - Хорошо, что это не случилось, - думает она. - Да ведь не одно это, барыня, - пристаёт Матреша так же бестолково, как всегда, - ведь не одно это. Бывает, что и один просит, да никак невозможно сделать Ему того, что он хочет. Нам это вполне известно. Я-то ведь знаю, потому что я докладываю, - говорит Матреша-ангел точно таким голосом, каким она вчера, когда барыня посылала ее к барину, говорила няне: "Я-то знаю, что барин дома, потому что я докладывала". - Сколько раз приходилось докладывать, - говорит Матреша, - что вот хороший человек - из молодых все больше - просит помочь ему, чтобы он дурных дел не делал, не пьянствовал, не распутничал, просит, чтобы из него, как занозу, вынули порок. "Как, однако, хорошо говорит Матреша", - думает барыня. - А Ему никак нельзя этого, потому каждому надо самому стараться. Только от старания и польза бывает. Вы сами, барыня, давали мне читать сказку о черной курице. Там рассказано, как мальчику черная курица дала за то, что он ее спас от смерти, волшебное конопляное зернышко, такое, что, пока оно у него в штанах в кармане лежало, он не уча все уроки знал, и как он от этого самого зернышка совсем перестал учиться и память потерял. Нельзя Ему, батюшке, из людей вынимать зло. И им не просить об этом надо, а самим вырывать, вымывать, вывертывать его из себя. "Откуда она эти слова знает", - думает барыня и говорит: - Ты все-таки, Матреша, не отвечаешь мне на вопрос. - Дайте срок, все скажу, - говорит Матреша. - А то и так бывает: докладываю, что разорилась семья не по своей вине, все плачут, вместо хороших комнат живут в угле, даже чаю нет, просят хоть как-нибудь помочь им. И тоже никак нельзя Ему сделать по-ихнему, потому Он знает, что это им же на пользу. Они не видят, а Он, Батюшка, знает, что, если бы они в достатке жили, они бы вдрызг избаловались. "Это правда, - думает барыня. - Но зачем же она так вульгарно выражается о Боге? "Вдрыг"... это совсем нехорошо. Непременно скажу ей при случае"... - Но я не про то спрашиваю, - повторяет опять мать. - Я спрашиваю: зачем, за что хотел это твой Бог взять у меня моего мальчика? - И мать видит перед собой своего Костю живого и слушает его, как колокольчик звонкий, детский, его особенный, милый смех. - Зачем они взяли его у меня? Если Бог мог это сделать, то Он злой, дурной Бог и совсем не надо Его и не хочу знать Его. И что же это такое: Матреша уже совсем не Матреша, а какое-то совсем другое, новое, странное, неясное существо, и говорит это существо не устами вслух, а каким-то особенным способом, прямо в сердце матери. - Жалкое ты, слепое и дерзкое, зазнавшееся создание, - говорит это существо. - Ты видишь своего Костю, каким он был неделю тому назад со своими крепенькими, упругими членами и длинными вьющимися волосами и с наивной, ласковой и осмысленной речью. Но разве он всегда был такой? Было время, когда ты радовалась, что он выговаривает "мама" и "баба" и понимает кто кто; а еще прежде ты восхищалась тем, что он стоял дыбочки и, качаясь, перебегает мягко ножками к стулу, а еще прежде вы все восхищались тем, что он, как зверок, ползает по зале, а еще прежде радовались, что он узнает, что держит безволосую головку с дышащим темечком, а еще прежде восхищались тем, что берет сосок и нажимает его своими беззубыми деснами. А еще прежде радовались, что он, весь красный и еще не отделенный от тебя, жалостно кричит, обновляя свои легкие. А еще прежде, за год, где был он, когда его совсем не было? Вы все думаете, что вы стоите и что вам и тем, кого вы любите, следует всегда быть такими, какими они сейчас. Но ведь вы не стоите ни минуты, все вы течете как река, все летите как камень книзу, к смерти, которая, рано или поздно, ждет всех вас. Как же ты не понимаешь, что если он из ничего стал тем, что он был, то он не остановился бы и ни минуты не оставался бы таким, каким был, когда умер; а как из ничего сделался сосунком, из сосунка сделался ребенком, так из ребенка сделался бы мальчиком-школьником, юношей, молодым человеком, взрослым, стареющим, старым. Ты ведь не знаешь, чем он был бы, если бы остался жив. А я знаю. И вот мать видит в отдельном, ярко освещенном электричеством кабинете ресторана (один раз муж возил ее в такой ресторан), перед столом с остатками ужина видит одутловатого, морщинистого, с подведенными кверху усами, противного, молодящегося старика. Он сидит, глубоко затонув в мягком диване, и пьяными глазами жадно оглядывает развращенную, подкрашенную, с оголенной белой толстой шеей женщину и пьяным языком выкрикивает, повторяя несколько раз, неприличную шутку, очевидно, довольный одобрительным хохотом такой же другой, как он, пары. - Неправда, это не он, это не мой Костя! - вскрикивает мать, с ужасом глядя на гадкого старика, который тем и ужасен, что что-то есть в его взгляде, в его губах, напоминающее особенное Костино. "Хорошо, что это сон, - думает она. - Костя настоящий - вот он". И она видит беленького, голенького, с пухлыми грудками Костю, как он сидит в ванне и, хохоча, болтает ножонками, не только видит, но чувствует, как вдруг он обхватывает ее обнаженную

Молитва. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo

по локоть руку и целует, целует и под конец кусает ее, не зная, что бы ему еще сделать с этой милой ему рукой. "Да, вот это Костя, а не тот ужасный старик", - говорит она себе. И на этих словах просыпается и с ужасом признает действительность, от которой уже некуда проснуться. Она идет в детскую. Няня уже обмыла и убрала Костю. С восковым и утончившимся носиком, с ямочками у ноздрей и приглаженными от лба волосиками, он лежит на каком-то возвышении. Вокруг горят свечи и стоят на столике в головах белые, лиловые и розовые гиацинты. Няня поднимается со стула и, подняв брови и вытянув губы, смотрит на поднятое кверху каменнотонеподвижное личико. Из другой двери навстречу матери входит Матреша с своим простым, добродушным лицом и заплаканными глазами. "Как же она мне говорила, что нельзя огорчаться, а сама плакала", - думает мать. И она переводит свой взгляд на покойника. В первую минуту ее поражает и отталкивает ужасное сходство мертвого личика с тем лицом старика, которого она видела во сне, но она отгоняет эту мысль и, перекрестившись, притрагивается теплыми губами к холодному, восковому лобику, потом целует сложенные остывшие маленькие ручки, и вдруг запах гиацинтов как будто что-то новое говорит ей о том, что его нет и никогда больше не будет, и ее душат рыдания, и она еще раз целует его в лоб и в первый раз она плачет. Она плачет, но плачет не безнадежными, но покорными, умиленными слезами. Ей больно, но она уже не возмущается, не жалуется, а знает, что то, что было, должно было быть, и потому было хорошо. - Грех, матушка, плакать, - говорит няня и, подойдя к маленькому покойнику, вытирает сложенным платочком слезы матери, оставшиеся на восковом лбу Кости. - От слез его душеньке тяжело будет. Ему хорошо теперь. Ангельчик безгрешный. А жив бы был, кто знает, что бы было. - Так, так, а все-таки больно, больно! - говорит мать.

КОММЕНТАРИИ

Рассказ связан с легендой, слышанной Толстым от олонцкого крестьянина-сказителя В.П.Щеголенка, гостившего в Ясной Поляне летом 1879 г. Впервые напечатан в "Круге чтения" (М., "Посредник", 1906).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!